

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Лисова Олеся Олеговна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный университет
o.lisova@spbu.ru

THE INTERACTION OF PERSONAL AND HISTORICAL IN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE

O. Lisova

Summary: The article is devoted to the analysis of the episode («Prologue») from the book by A.N. Arkhangelsky «Russian hieroglyph. The story of Inna Lee, told by herself» (2022). The text introduces the reader to the history of a person who is a representative of two cultures (Russian and Chinese) and a direct participant in the most important historical events of the 20th century, in connection with which an interesting problem is raised: how human life is inscribed in history, and history is passed through the prism of human consciousness. The purpose of our study is to highlight linguistic means that allow the reader to evoke the effect of “involvement” in the emotional life of the heroine, especially in episodes when she does not speak directly about emotions and experiences. The central problem of our analysis is the study of the dialogue «personal» and «historical» through its reflection in the syntactic means used by the heroine of the story.

Keywords: autobiographical memory, autobiographical narrative, narrative, text structure, passage.

Аннотация: Статья посвящена анализу эпизода («Пролога») из книги А.Н. Архангельского «Русский иероглиф. История Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022). Текст знакомит читателя с историей человека, являющегося представителем двух культур (русской и китайской) и непосредственным участником важнейших исторических событий XX века, в связи с чем поднимается интересная проблема: каким образом человеческая жизнь оказывается вписанной в историю, а история оказывается пропущенной сквозь призму человеческого сознания. Цель нашего исследования – выделение языковых средств, позволяющих вызвать у читателя эффект «включённости» в эмоциональную жизнь героини, особенно в эпизодах, когда она не говорит об эмоциях и переживаниях прямо. Центральной проблемой нашего анализа является изучение диалога «личного» и «исторического» через его отражение в синтаксических средствах, используемых героиней повести.

Ключевые слова: автобиографическая память, автобиографический нарратив, нарратив, структура текста, пассаж.

Книга А.Н. Архангельского посвящена жизни Инны Ли, дочери сооснователя компании Китая и дворянки из рода Кишкиных. Инна родилась в СССР, в молодые годы жила Пекине, сидела в спецтюрьме, была реабилитирована, пережила китайские реформы и застала жизнь в России после перестройки. Как отмечает автор в предисловии, выбор героя для серии «Счастливая жизнь» (куда вместе с анализируемым текстом входят книга «Несогласный Теодор» о крестьянине и социальном работнике Теодоре Шанине и книга «Русофил» о слависте Жорже Нива) не был случайным: это тексты «о реальных людях, наших современниках, живущих счастливую жизнь сквозь трагедии XX и XXI веков...История на фоне частной жизни, частная жизнь на фоне истории» [1, с. 7]. А.Н. Архангельский сам указывает на основной объект изображения, конфликт повести – это «человек» и «фон»: каким образом человеческая жизнь оказывается вписанной в историю, а история оказывается пропущенной сквозь призму человеческого сознания, как можно стать «китарусскими интеллигентами, которые считают грандиозную политическую историю сквозь мелкие детали быта и личные обыденные обстоятельства» [1, с. 9], но главный вопрос (или ответ) обозначен в наименовании цикла («Счастливая жизнь»): мы понима-

ем, что у героини была жизнь счастливая не только потому, что Инна Ли смогла выжить в «интересные времена», но уже по той «полноте проживания, которую она имела мужество себе позволить, по умению видеть, слышать мир вокруг себя» [1, с. 2].

В предисловии к изданию книги А.Н. Архангельский отмечает, что создавал повесть на основе материалов интервью с героиней, в связи с чем текст является не собственно автобиографией, а художественным осмыслением жизни героини. Тем не менее, перед читателем предстает не вымышленный персонаж, а история реального человека. История Инны Ли в этом контексте уникальна, поскольку она принадлежит сразу двум культурам: китайской и русской – и, более того, героиня оказывается вовлеченной в события, происходящие в обеих странах, и повествует об эпохе и современниках. Кроме того, автобиографический нарратив обращен к аксиологической сфере, «где только ценное может быть актуализировано как память и впоследствии, вербализуясь, воплощено в форме прецедентных текстов, формирующих ценностный императив» [2, с. 21].

В связи с тем, что книга вышла в 2022 году, в настоя-

щее время нет научных исследований, посвященных анализу произведения. Осмыслению стиля и проблематики документальной повести посвящена рецензия Сергея Костырко, который выделяет ряд интересных особенностей повествования. Так, например, С. Костырко говорит о том, что рассказ Инны «воспринимается на редкость эмоциональным», хотя «речь её деловита», а сама рассказчица «скупа» на эмоции и «стремится к точности, конкретности», что провоцирует читателя на чтение «залпом» [3]. Такие особенности повествования ставят перед нами вопросы: 1) каким образом повествователю удастся совместить в тексте «масштаб», «фон» с жизнью и эмоциями обычного человека, с его «бытом»; 2) какие языковые средства позволяют вызвать у читателя эффект «включенности» в эмоциональную жизнь героини, когда она не говорит об эмоциях и переживаниях напрямую. Предположим, что ответ на первый вопрос заключается в анализе композиционной структуры текста, то есть перед нами стоит задача определить, на какие композиционные элементы делится речь героини и есть ли в этих элементах закономерности в их соотносённости с действительностью («фон» или «быт»), а ответ на второй вопрос – в анализе языковых средств, которыми пользуется героиня для передачи своего состояния и состояния мира; при этом на первый план выходит именно анализ структуры предложения, синтаксической структуры, так как речь героини «скупа» на эмоции (то есть лексический уровень будет для нас скорее вспомогательным).

Стоит отметить, что некоторые закономерности построения речи героини проявляются уже в прологе, хотя в целом эта часть текста отличается от остальных глав: она оказывается вне хронологического нарратива текста и переносит нас сразу в события 1993 года (остальные события в тексте даны в хронологическом порядке с редкими отступлениями комментатора-повествователя).

Пролог открывает интродуктивный пассаж (В.А. Плуныян), вводящий для читателя фигуры основных участников истории, родственников героини (мамы, двоюродного деда и отца): *«Мама моя, Елизавета Павловна Кишкина, происходила из семьи саратовского родовитого помещика и провела детство в имении Студёнка. Мой двоюродный дед Николай Михайлович Кишкин был членом Временного правительства, 25 октября 1917 года получил власть из рук Керенского в Петрограде, но всего лишь на сутки. А папа Ли Лунчжи, более известный под псевдонимом Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, до поры до времени соратником Мао Цзэдуна. Две родины, две крови, две культуры, две идеологии – не типичная, но и не редкая судьба в XX веке»* [1, с. 11]. Данный отрывок отражает интересную особенность текста – это движение от личного, интимного, «маленького» пространства (вводится фигура мамы, указывается её принадлежность к роду, указано место, где она провела детство) к двоюродному деду (здесь интересен

отбор информации: читателю из всей биографии даётся исторический, политический фрагмент), затем – к отцу, который уже представлен как фигура более далекая и высокая («был выдающимся китайским коммунистом»), и завершается пассаж обобщением, которое ставит вопрос: а кто есть я в этой родовой системе и о чем будет повествование.

Обратим внимание и на точку зрения на вводимых персонажей: с одной стороны, проявляется «я» героини, но оно выражено только через притяжательные местоимения «мой», «мой» («мама моя», «мой двоюродный дед»), то есть рассказ о жизни Инны Ли начинается как автобиография (на это указывает и структура предложения, характерная для данных текстов: я, фамилия имя отчество, родился / родилась и т.д.), но это не история самой Инны, а биография ее семьи: на этом этапе мы можем предположить, что история жизни героини будет дана в неразрывной связи с историей семьи, рода, его особенностями (такими как «два языка» и «две культуры»), осмыслением своего места в этой системе.

С другой стороны, обращает внимание некая отстранённость, «деловитость» письма: героиня даёт оценку представителям своей семьи как будто со стороны исследователя, историка, стороннего беспристрастного наблюдателя («более известный под псевдонимом», «был выдающимся китайским коммунистом») – это указывает на стремление к документальности, четкости, беспристрастности, подчеркивает «объективность» взгляда. Движение при этом идет от точки, которую можно было бы обозначить как «место в моем мире» к точке «место в истории мира»: так, мы сначала узнаем о том, кем является родственник, и уже потом – о его исторической роли. С точки зрения организации предложения это выглядит как уточнение, вводимое между темой и ремой, и функция данного уточнения в данном отрывке – введение более широкого взгляда, контекста. Можем предположить, что данный прием станет важным при введении информации о людях, предметах, явлениях: уточнение является средством обозначения более широкого контекста, некой документальной, энциклопедической оценки, на стыке между информативным и обобщающим, генеритивным регистрами (Г.А. Золотова). Таким образом, внимание читателя направляется на игру с понятием «личное» и «фоновое» как на уровне целого пассажа (обозначенного как «интродуктивный»), так и на уровне отдельно взятого предложения.

Далее текст пролога организован как повествование-рассказ о поездке Инны и её матери в Студёнку, «на малую родину». Это рассказ выбивается из общей хронологии всего нарратива, поскольку даёт нам взгляд сразу на период «после перестройки», в то время как основная история героини началась ранее. С точки зрения структуры он оказывается интересным, поскольку открывает

нам перспективу героини, ее личное включение в события, в отличие от первого пассажа, однако в тексте практически не использованы местоимения 1 лица: в начале мы видим местоимение «мы», обозначающее сначала группу людей, ехавших в Студёнку, а затем только Инну и ее маму; а также местоимение «я», которое встречается дважды в тексте: *«Лариса, тетка разговорчивая и душевная, нахлестывала лошадь и покрикивала: – Анютка, давай! Ты знаешь, кого ты везешь? Ты барских детей везешь! Я решила, что она издевается. Мама всю жизнь стеснялась своего помещичьего происхождения (тем более оно приносило только неприятности)»* [1, с. 12]. В данном примере героиня предстает перед читателем как субъект оценки, на что указывает как глагол «решила», так и следующий комментарий-уточнение (читатель снова сталкивается со взглядом «со стороны», стремлением к взгляду извне на жизнь мамы и оценка роли «помещичьего происхождения» в ее жизни – оно «приносило неприятности»).

Рассмотрим ещё один пример: *«Я внимательно смотрела по сторонам и все яснее понимала, почему они решили вдруг полюбить ушедшую, навсегда закончившуюся – и совершенно незнакомую им – жизнь»* [1, с. 13]. В данном фрагменте глагол «смотрела», с одной стороны, акцентирует наш взгляд на герою как субъекте восприятия, однако при более детальном рассмотрении мы понимаем, что и здесь есть оценка, обобщение, вывод героини, её стремление проникнуть в сознание и мотивы людей, на что указывает и глагол «понимала», указывающий на мыслительную, категоризирующую деятельность субъекта сознания. Таким образом, местоимение «я» в данном фрагменте книги (в «Прологе») показывает нам повествующего субъекта как субъекта оценки, а не непосредственного воспринимающего сознания. Тогда закономерным становится вопрос: какими средствами выражено присутствие героини как субъекта восприятия и участника событий. Попробуем ответить на него.

Во-первых, героиня включена в изображаемый мир через местоимение «мы» и перечисление действий, свершаемых этим «мы» (выраженных глаголами совершенного вида, что является типичным для изобразительно-повествовательного регистра (Г.А. Золотова) и секвентного пассажа (В.А. Плунгян): *«В мае 1993-го мы небольшой компанией сели в поезд на Павелецком вокзале и вылезли на маленькой станции, в Балашове. Оказались словно на другой планете. Никакой политики, никаких московских бурь – вечная русская тишина. На автобусе по степным колдобинам добрались до ближайшей от Студёнки станции. Нас встречали селянка Лариса на подводе и какой-то мужик на раздолбанном мотоцикле с коляской»* [1, с. 12].

Во-вторых, обращает внимание предложение *«Никакой политики, никаких московских бурь – вечная*

русская тишина». С одной стороны, здесь мы тоже можем предположить некую оценочность, а не описание. С другой – перед нами субъект восприятия, на что указывает слово «тишина» (аудиальное восприятие), никакой политики (никаких разговоров о политике, вовлечения в политику и т.д.). Более четкую перцептивную позицию мы видим в предложении *«В глаза бросалось запустение, заброшенность, угасание»* [1, с. 13]. В формально двусоставных предложениях акцент смещается не на глагол, а на состояние, воспринимаемое субъектом – «запустение, заброшенность, угасание», однако в семантике данных слов тоже отображена оценочность (так, слово «угасание» говорит о мыслительной перцепции, а не о реальном «угасании»). Данные наблюдения указывают на то, что сознание повествователя через языковые средства выражает разную степень объективности и участия в событиях: так, действия, выраженные глаголами совершенного вида, рисуют повествователя как участника событий, то есть объект изображения. Предложения с местоимением «я» имеют высшую степень категоризации и уверенности, однако представляют событие только с точки зрения интерпретации. Односоставные предложения (*Вечная русская тишина*) или предложения, тяготеющие к ним по семантике (*в глаза бросалось запустение, заброшенность, угасание*) – совмещают общеперцептивный, частноперцептивный и интерпретационный (Г.А. Золотова) способы описания события. Эту мысль подтверждает и следующее предложение: *«А спустя шесть десятилетий – полуразпад. Когда мы в 2015-м с мужем и родственниками приехали снова, осталось и того меньше: четыре или пять домов. Все заросло бурьяном...»* [1, с. 13]. Полуразпад в данном случае может быть как указанием на визуальный образ (четыре или пять домов; все заросло бурьяном), так и на логическую оценку происходящего.

В тексте сознание повествователя выражение через еще одну категорию элементов – это вводные слова. Обратимся к примерам: *«Это отношение, видимо, распространялось и на крестьянских дочерей и жен»* [1, с. 13]; *«Дом, в котором мама родилась, сгорел в 1920-е. Скорей всего, сожгли его крестьяне»* [1, с. 14]. В данных примерах мы видим субъекта оценки, однако это оценка бытовых событий, не имеющая выхода в такую степень обобщения, как рассуждение о роли помещичьего происхождения или оценка жизни других людей – то есть, главной задачей здесь является выражение сомнения, неуверенности, предположения для каких-то фоновых, бытовых событий, в то время как «я решила» и «я понимала» наряду с уточняющими членами предложения (как и с целыми уточняющими предложениями) – это маркер интеллектуальной интерпретации повествователя, введения его позиции, интерпретационный точки зрения. Однако, уточняющие члены и предложения имеют больше документальную функцию (указать на особенности, прокомментировать, дать дополнительную информацию),

нежели собственно оценочную: «Двоюродная сестра Гурья Ивановича, старушка в бязевом платочке, подошла к маме, обняла и в плечо поцеловала: считалось, что бар положено целовать именно в плечико. А в соседнем селе Чернавка к телеге засеменаила другая старушка и припала к маминой ручке: до революции она была горничной у соседнего помещика» [1, с. 13].

Таким образом, мы наблюдаем, что для передачи разных пластов сознания и восприятия повествующего субъекта (в нашем случае это действительно непростая категория: это и объект изображаемого мира с его восприятием, и документалист, стремящийся к точности изображения, и автобиограф, пишущий свою историю, и носитель оценки происходящих событий) использованы разные элементы языка, что позволяет играть с разными точками зрения на изображаемые события: смещать фокус с бытовых деталей на исторические, с чисто перцептивного восприятия в моменте на интерпретационное восприятие. Можно предположить, что композицион-

ные особенности пролога (чередование интродуктивного, секвентного и комментирующего пассажей) и характерные для каждого типа пассажа особенности речевого воплощения найдут отражение во всем тексте документальной повести, показывая взаимодействие «фона» и «фокуса» в автобиографическом дискурсе. Анализ пролога показал, что для героини осмысление исторических событий является важной проблемой: она не просто вводит оценку, а пытается понять, что меняют социальные сдвиги, а что они оставляют без изменений. Эпизод поездки в Студёнку открывает интересную особенность: в то время как Инна пережила смерть отца, глобальную культурную революцию, тюрьму и другие события, в сознании людей Студёнки сохранялись выработанные веками установки, и они связаны не только с мелкими деталями, а с организацией общего уклада жизни. Анализируя пролог, мы можем предположить, что центральным фокусом произведения, вероятно, станет не просто жизнь героини, а попытка понять, в каком соотношении находятся социальные процессы и сознание людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А.Н. Русский иероглиф: История Инны Ли, рассказанная ею самой. М.: Издательство АСТ, 2022. 250 с.
2. Бирюкова Е.Е. Ценность как память и память как ценность: содержательная сторона автобиографических произведений в свете современных психологических исследований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. № 1.2. С. 19–22.
3. Костырко С. Книги: выбор Сергея Костырко // URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx
4. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика / В.А. Плунгян // Исследования по теории грамматики. – Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. – М.: Гнозис, 2008. С. 7–36.

© Лисова Олеся Олеговна (o.lisova@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»